

пос, памятниках из раскопок Афганистана, Центральной Азии и др.). Об исследовании А. С. Стрелкова я писал: «Заслуга автора данной монографии заключалась прежде всего в широкой постановке вопроса о генезиса фаюмского портрета и в трактовке его как одного из локально-своеобразных явлений эллинизированной культуры Ближнего Востока»¹⁵. И «если под этим углом зрения, — как указывал А. С. Стрелков, — мы взглянем на историю фаюмского портрета, то станет в достаточной мере ясно, что происходит не какой-то специальный, свя-

занный с одним лишь Египтом процесс, а наоборот, Египет этого времени участвует в сложном, многоэтапном процессе, образующем переход от античного общества к феодальному»¹⁶.

Исследование К. Парласка — несомненно большой и серьезный вклад в изучение египетской живописи I—IV вв., одной из замечательнейших страниц в истории мирового искусства.

В заключение следует отметить и оформление книги, изданной тщательно и строго научно.

В. В. Павлов

¹⁵ Павлов, Египетский портрет..., стр. 38 сл.

¹⁶ Стрелков, ук. соч., стр. 60

ДВЕ НОВЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ИСТОРИИ РАННЕГО ХРИСТИАНСТВА

MÉLTON DE SARDES, *Sur la pâques et fragments*, par O. Perler, P. 1966, 276 стр.

ÉPHREM DE NISIBE. *Commentaire de l'évangile concordant ou Diatesaron*, par L. Leloir, P. 1966, 438 стр.

I

До последнего времени сочинения Мелитона Сардского, христианского писателя II в., были известны лишь по перечню у Евсевия Кесарийского и нескольким фрагментам. Только в 1940 г. К. Боннер издал почти полный текст гомилии Мелитона по папирусу IV в.¹, в 1960 г. появилось новое издание — М. Тестуза (M. Testuz), основанное на другом папирусе, — Papyrus Bodmer XIII, начало IV в. Затем отрывок из этой гомилии был обнаружен в Оксиринхском папирусе (Р. Оху. 1600), а также привлекли внимание латинская, две сирийские и коптская версии². В 1963 г. М. Рйшар объявил о находке грузинского перевода гомилии Мелитона (в собрании Афонского Иверского монастыря; авторство приписано Мелетию).

Все эти новые находки позволили О. Перле подготовить критическое издание в серии «Sources chrétiennes» (№ 123).

Книга состоит из краткого введения,

¹ Листки этого папирусного кодекса находятся частично в коллекции А. Честер-Битти, частично же принадлежат Мичиганскому университету.

² Эти переводы анонимны, кроме одной из сирийских версий, где в титуле стоит имя «Мелитона, епископа Аттики». Они были известны в XIX в., но не связывались тогда с Мелитоном Сардским.

греческого текста гомилии «На пасху» (с французским переводом), пространного комментария и фрагментов греческих и латинских авторов, касающихся Мелитона.

Мелитон Сардский — современник Марка Аврелия³; он обращался к императору с краткой речью, где говорил, между прочим, о том, что римские правители, кроме Нерона и Домициана, не подвергали христиан гонениям, что Адриан, Антонин Пий и сам Марк Аврелий посылали проконсулу Азии Фундану и в различные греческие города (Лариссу, Фессалонику, Афины) указания не чинить вреда христианам (фрагм. I, 3).

Новая гомилия Мелитона любопытна как один из первых памятников христианской литературы. Это эмоциональная ритмизированная проза, с постоянными повторами начальных слов стиха: так, *οὗτός ἐστιν*, «он это» 11 раз открывает строку на протяжении § 68—71. Мир предстает в дихотомии противоположностей, которая преодолевается спасительной жертвой Христа:

«Он это, освободивший нас [и привлеч-

³ В общих работах ему уделяют немного места, см., например, Handbuch der Kirchengeschichte, hg. von H. Jedin, Bd. I, Freiburg — Basel — Wien, 1963, стр. 210. В «Tusculum-Lexicon» (München, 1963) его имя отсутствует вовсе.

от рабства к свободе,
от мрака к свету,
от смерти к жизни,
от тирании к вечному царству».

Мысль Мелитона питается исключительными библейскими образами: страсти, смерть и воскресение Христа и параллель этому в ветхозаветной истории исхода евреев из Египта, — вот что его захватывает. Реальная жизнь остается за пределами гомиллии, и даже ненависть к «преступному Израиллю» (§ 81 и др.) остается абстрактной, деконкретизированной.

Мелитон писал тогда, когда христианское богословие только творилось и образ Христа еще только начинал превращаться в образ богочеловека, а понятия тронца не существовало. Дух, *πνεῦμα* — вопреки тому, что во французском переводе это слово пишется с большой буквы, *Esprit* — для Мелитона не божество и даже не особое существо: речь идет о «духе господна», и Мелитон сопоставляет кровь агнца и дух господна (§ 32. Ср. § 44); говорится, что Христос «духом, не способным умереть, уничтожил человекоубийственную смерть» (§ 66) и «запечатал своим духом наши души» (§ 67).

Противопоставление сына и отца, данное уже в Новом завете, встречается кое-где в гомилии; более того, Мелитон — впервые, по наблюдению Перлэ (стр. 208), — пользуется формулой «спящий одесную отца» вместо новозаветной клаузулы «одесную бога» (например, Мк. 16, 19; Римл., 8, 34; Колосс. 3, 1; 1 Петра 3, 22). И все-таки разграничение между богом-отцом и богом-сыном в гомилии не всегда четко.

«Он все, — говорит Мелитон в § 9, — закон, поскольку он судит, слово, поскольку он учит, милосердие — поскольку спасает, отец — поскольку рождает, сын — поскольку рождается». И в § 105 мы читаем: «Он несет отца и его несет отец», — «странная формулировка», как замечает Перлэ (стр. 211), в общем стремящийся подтянуть Мелитона к ортодоксии (стр. 34, 141 и сл.). Это, может быть, еще и не модаллизм, но во всяком случае свидетельство неясности богословской проблемы; после Афанасия такая формулировка была бы уже невозможной, во всяком случае — еретической.

Различие между Логосом и воплощенным Христом соответственно оказывается неясным, размытым. Христос, согласно Мелитону, вел Израиль от Адама до Ноя, от Ноя до Авраама; Христос привел Израиль в Египет и там сохранил его, разделил Чермное море и рассеял врагов Израиля, дал манну с небес и воду из камня и т. п. (§ 83—85). Вместе с тем Христос, согласно Мелитону, воплотился в дева, *ἐν παρθένῳ σαρκωθεὶς* (§ 70, 104). Глагол *σαρκώω* не известен Новому завету и появляется впервые у Мелитона (стр. 174 и сл.). Подчеркивая реальность воплощения и рождения (§ 71) Христа-

бога, Мелитон, по-видимому, выступал против докетизма, против представлений о кажущемся соединении Логоса и плоти.

Таким образом, новая гомиллия — памятник, существенный для понимания путей становления христианской догматики.

II

Как известно, подлинный текст «Диатессарон» Татиана, христианского апологета II в., до нас не дошел⁴. Для восстановления этого памятника важны его древние пересказы (арабский, немецкий IX в. и др.), но особенно — комментарий Ефрема Спринна (IV в.) на «Диатессарон». Однако и этот комментарий до последнего времени был доступен лишь в армянском переводе. Только в 1957 г. был обнаружен сирийский оригинал этого произведения: он поступил в собрание А. Честер-Битти и был в 1963 г. издан Л. Лелуаром с латинским переводом; теперь в серии «Sources chrétiennes» (№ 121) появился французский перевод Лелуара, основанный как на сирийском оригинале, так и на армянском переводе толкований Ефрема.

Во введении Лелуар дает краткую характеристику как «Диатессарон» Татиана, так и комментарий Ефрема⁵. Он склоняется к тому, что «Диатессарон» был написан по-сирийски, хотя и не решается утверждать это «с абсолютной уверенностью» (стр. 18). Анализируя состав этой книги, Лелуар обращает внимание на три обстоятельства. Во-первых, он допускает — расходясь с традиционной точкой зрения⁶, — что в сводное евангелие Татиана было включено много апокрифических элементов (стр. 14); это обстоятельство хорошо дополняет наши представления о незавершенности канона в конце II в.: Татриан не только отвергал *psephala* Pauli epistolae, как свидетельствует Иероним (*adv. haer.* I, 26, 1), но и вводил в священное писание пассажи, отсутствовавшие у четырех евангелистов.

Во-вторых, Лелуар показывает, что утверждение Феодорита Киррского (PG, 83, 372 A), ставившего Татиану в вину исключение из «Диатессарон» генеалогии Христа (у Матфея и Луки), не соответствует действительности (стр. 19). Любопытно при этом, что Ефрем не только говорит о генеалогии плотника Иосифа,

⁴ См. также P. Feine, J. Behm, W. G. Kümmel, *Einleitung in das Neue Testament*, B., 1965, стр. 387 сл.

⁵ Подробнее см. L. Leloir, *Doctrines et méthodes de S. Ephrem d'après son commentaire de l'évangile concordant*, Louvain, 1961.

⁶ См., например, O. Bardenheuer, *Geschichte der altchristlichen Literatur*, I, Freiburg im Breisgau, 1913, стр. 277 сл.

но утверждает, что Мария тоже была из рода Давидова, ибо, замечает он, «Иисус был сыном Марии, а не Иосифа» (I, 26, стр. 58), — интересно, принадлежит эта мысль ему или восходит к Татиану?].

В-третьих, — опять-таки расходясь с традицией — Лелуар подчеркивает, что в основе «Диатессарон» лежало скорее евангелие от Матфея, нежели евангелие от Иоанна (стр. 22 и сл.).

Интересно также наблюдение Лелуара о близости татиановского евангелия и маврийской Библии (стр. 21), — впрочем, эта мысль подтверждается лишь наличием одной параллели и нуждается в дальнейшей аргументации.

В основе экзегезы Ефрема лежит мысль о внутренней связи Ветхого и Нового завета: новозаветные события предвещаны Ветхим заветом и в ином облике повторяют или противостоят истории ветхозаветных персонажей. Ева рождена от

Адама без плотской связи, рассуждает Ефрем, и также не было связи у Иосифа и Марии; Ева родила убийцу Каина, Мария — животворца (II, 2, стр. 66).

Большое место в толкованиях отведено полемике с Маркионом и, в частности, с его докетизмом (XI, 9, стр. 201 и сл. Ср. XI, 23, стр. 208 и сл.).

В конце толкований помещена заметка о евангелистах (стр. 409), где, в частности, говорится, что Матфей написал свое евангелие по-еврейски. Эта заметка могла бы быть использована для восстановления истории новозаветного текста, однако Лелуар считает ее поздним и неаутентичным добавлением.

Новые публикации, разумеется, не производят переворота в наших представлениях о христианстве II в., однако они позволяют уточнить некоторые детали в истории этой религии.

А. К.

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ В СИЦИЛИИ И САРДИНИИ*

В М о т и и¹ основное внимание археологов в последние годы было уделено прибрежной части города (как известно, он расположен на небольшом островке в заливе к северу от Марсали). Помимо обычных раскопок, велись работы под водой, широко использовалась и аэрофотосъемка. Аквалангисты на дне залива

собрали образцы ила для выяснения процесса наносов и изменения уровня моря. Изучалась каменная дамба, расположенная за северными воротами; по ней проходила дорога, связывавшая город с матерком (сейчас дамба затоплена морем на глубину 15 см). Аэрофотосъемка показала, что к западу от нее под водой находится несколько стен, — очевидно, остатки конструкций небольшой гавани. Прямо против западного бастиона, фланкировавшего северные ворота, обнаружен маленький храм VI в. до н. э. Ясно выделяются два строительных периода: к первому относится дорическая капитель со стуковой обмазкой, ко второму — две капители ориентализирующего типа с цветочными волютами.

У южных ворот главными объектами работ были внутренняя гавань и канал, связывающий ее с морем. В настоящее время гавань почти полностью покрыта наносами, но зондажи позволили определить, что глубина ее около 2,3 м относительно современного уровня моря; дно гавани плоское. Глубина канала от современного уровня моря — 1,45 м, дно его местами вымощено и в середине имеет ложбину. Исследование берегов канала показало, что над ним существовал мост. К западу от внутренней гавани выявлено несколько больших прямоугольных зданий. Возле южных ворот открыт, кроме того, комплекс зданий разного времени начиная с VII в. до н. э. Комнаты группируются вокруг центрального двора, вымощенного булыжником. Стены их сложены из сырцового кирпича на ка-

* О предыдущих работах см. ВДИ, 1963, № 1, стр. 126—137. Библиографию последних работ о раскопках в Сицилии см. W. Fuchs, V. Tusa, *Archäologische Forschungen und Funde in Sizilien von 1955 bis 1964*, «Archäologischer Anzeiger», 1964, № 4, В., 1965, стр. 664—686.

¹ A. W. Van Buren, *News Letter from Rome*, AJA, 67, 1963, № 4 (далее — AJA, 1963), стр. 408; он же, *News Letter from Rome*, AJA, 68, 1964, № 4 (далее — AJA, 1964), стр. 384 сл.; он же, *News Letter from Rome*, AJA, 69, 1965, № 4 (далее — AJA, 1965), стр. 363 сл.; A. D. Trandall, *Archaeology in South Italy and Sicily, 1961—63*, «Archaeological Reports for 1963—64», L., 1964 (далее — AR), стр. 40 сл.; B. S. J. Isserlin, *A Phoenician Island City of Sicily: Exploring Motya by Land and under Water*, ILN, September 21, 1963, стр. 425—427; J. du Plat Taylor, *Motya: a Phoenician Trading Settlement in Sicily*, «Archaeology», 17, 1964, № 2, стр. 91—100; «University of Rome Excavations», «Archaeology», 19, 1966, № 2, стр. 131. См. также «Recent Excavations at Motya», «Archaeology», 15, 1962, № 4, стр. 281—283.

Рис. 1. Мотия. Одна из финикийских терракотовых масок

Рис. 2. Солунт. Голова терракотовой статуи богини

менном фундаменте, черепичные крыши украшали антефиксы с головой Медузы Горгоны. Помещения с первого взгляда производят впечатление жилых, но, вероятнее всего, служили складами или конторами. Последний период их существования падает на время после 420 г. до н. э., может быть, даже на середину IV в.

Исследовались также городские стены, которые имеют сложную историю. Самая ранняя стена города была разрушена, затем, вероятнее всего в конце VI в. до н. э., возводится новая стена, которая в конце V в. до н. э. перестраивается. Одновременно над каналом строится контролировавшая его башня. Именно эти укрепления подверглись атакам войск Дионисия в 397 г. до н. э.

Продолжались работы и на сакральном некрополе, где кроме погребальных урн, подобных тем, о которых мы уже писали², найдено несколько типично финикийских терракотовых масок (рис. 1). В 1965 г. открыто большое количество каменных стел с фигурами божеств, религиозными символами и орнаментальными мотивами; две стелы — с финикийскими votивными надписями. Раскопки Мотии отчетливо указывают на смешанный грековосточный характер ее культуры.

Основные работы в Солунте³ были направлены на решение проблемы, поставленной сообщением Фукидида (VI,

2, 6) о том, что финикийцы, когда греки стали тревожить их в Сицилии с моря, перебрались в Мотию, Солунт и Панорм. Однако раскопки последних лет доказали, что в Солунте нет слоев ранее середины IV в. до н. э. Остатки поселения, которое, очевидно, имел в виду Фукидид, найдены поблизости, в Канните, где нет следов жизни после начала IV в. до н. э. Следовательно, Солунт возник после полного разрушения этого поселения Дионисием I. Исследование городского плана показало, что он типично греческий («Гипподамова система» планировки), но население Солунта было не греческим, а пуническим и даже после римского завоевания еще сохраняло свои обычаи и культы. Об этом свидетельствует, в частности, находка головы терракотовой статуи богини с полумесяцем в волосах (рис. 2).

Изучалась также архитектура агоры Солунта. Установлено, что большое помещение, замыкавшее агору с запада, имело плоскую крышу, огражденную парапетом и служившую террасой. Доступ на эту террасу был не со стороны агоры, а со стороны улицы, лежавшей за этим зданием и расположенной несколько выше агоры. Таким образом, террасная система планировки теперь хорошо засвидетельствована в Солунте.

В Гимере⁴ открыты фундаменты двух лежащих один над другим храмов, датируемых VI и V веками до н. э. Кроме многочисленной керамики,

² ВДИ, 1963, № 1, стр. 129.

³ АЖА, 1965, стр. 363 сл.; AR, стр. 39 сл.; Fuchs, Tusa, ук. соч., стр. 749—765.

⁴ АЖА, 1965, стр. 363.